

— Убирайся к черту! Я тут с девочкой воркую, какого лешего ты лезешь?

Хэ Жаньжань закусила губу:

— Может, не стоит? Это ведь так неудобно, я не хочу отнимать у вас, молодой господин, время.

— Пустяки! Разве это можно назвать пустой тратой времени? Ни капельки! Я с детства очень отзывчивый человек. К тому же, услужить такой милой девушке — честь для любого парня.

Щеки Хэ Жаньжань слегка порозовели:

— Тогда... тогда побеспокою вас, молодой господин.

Так Линь Шэнь забрал тетради Хэ Жаньжань и тайком проскользнул в дверь. Когда он отошел на приличное расстояние, из тени вышел Линь Исин. Его взгляд был холодным, он не мигая смотрел на дверь комнаты Хэ Жаньжань, словно пытаюсь прожечь в ней дыру.

Линь Шэнь пробыл там три минуты и вышел с сияющей, как весеннее солнце, улыбкой. Хоть Линь Исин и знал, что тот ходил всего лишь за домашним заданием, но... как можно быть таким омерзительным? Как можно дарить такую улыбку кому-то другому?

Он не мог совладать с собой — ему хотелось... издеваться над Линь Шэнем, жестоко издеваться, наказать его. Как когда-то он отрывал крылья и лапки насекомым, наблюдая, как они больше не могут сопротивляться, так и сейчас ему хотелось... подчинить Линь Шэня.

Глаза Линь Исина потемнели, в зрачках, казалось, плясали недобрые огоньки.

Вернувшись в комнату, Линь Шэнь открыл учебник и принялся переписывать домашку Хэ Жаньжань.

— Это называется плагиат, а не копирование.

— Отвали! Не мешай мне заниматься важными делами. Неужели я не справлюсь с программой третьего класса? Я пошел к Хэ Жаньжань только для того, чтобы выяснить, что именно задали.

— А потом ты увидел готовые ответы и, даже зная решение, поленился думать и решил списать.

— Повторяю еще раз: это называется сору, копирование! И вообще, кто в молодости не списывал домашку? Если найдешь человека, который ни разу не списывал, я прямо сейчас трижды поклонюсь ей в ноги.

Он ведь всего лишь школьник, пишет домашнюю работу, не более. Линь Шэнь одним махом расправился с математикой и английским. А вот сочинение... что за жуткая тягомотина!

Линь Шэнь был человеком прямолинейным, не любил ходить вокруг да около. Сидя над сочинением, он долго грыз ручку, но так и не выдавил из себя ни слова — это было мучительнее запора. Сочинение, твое второе имя — дьявол.

Двадцать тем, а до начала учебного года осталось всего три-четыре дня. Ему нужно писать по пять штук в день... Чем больше он думал об этом, тем сильнее раздражался.

Линь Шэнь вышел из спальни и направился в комнату Линь Исина. Едва переступив порог, он почувствовал резкий, до тошноты сильный запах крови.

Линь Исин сидел на полу у кровати, его руки были по локоть в алой крови — огромные пятна красного цвета выглядели пугающе. Его мертвенно-бледная кожа резко контрастировала с окровавленными конечностями, но в этом омерзительном зрелище в его глазах горел странный, пугающий жар.

У Линь Шэня сердце пропустило удар, он едва не решил, что попал на место убийства. Он хотел было разразиться бранью: «Какую чертовщину ты тут творишь, придурок?», но из горла вырвался лишь дрожащий вопрос:

— Ты... что ты делаешь?

Линь Исин поднял голову и улыбнулся. Впервые за месяц. Улыбка была едва заметной, но от нее веяло могильным холодом:

— Шэнь-Шэнь...

Линь Шэнь увидел рядом с ним глазное яблоко — на залитом кровью полу белел выпуклый шарик, который, казалось, еще слегка подергивался. По полу были разбросаны куски окровавленного мяса, а глазное яблоко, покатавшись, направилось прямо к Линь Шэню.

Даже будучи мужчиной, повидавшим многое за свои двадцать с лишним лет, даже пересмотрев кучу кровавых фильмов, Линь Шэнь почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Ему потребовалась минута, чтобы прийти в себя. Первым порывом было закрыть дверь. Если кто-то увидит это, Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй наверняка выгонят Линь Исина... Это выходило за рамки понимания обычного человека. Одиннадцатилетний ребенок, проявляющий такую жестокость — ни один, даже самый добрый человек, не позволил бы ему остаться в доме.

Линь Шэнь набрался храбрости и подошел ближе:

— Брат... откуда кровь... и на полу... ты...

Линь Исин молчал. Он тихо сидел на окровавленном полу, словно ребенок, окруженный кучей

игрушек. Лишь подойдя вплотную, Линь Шэнь заметил за его спиной стеклянный аквариум. Рыбок в нем не было, только одиноко плавали водоросли.

Линь Шэнь сглотнул, пытаясь успокоиться. Он медленно опустился на корточки и обхватил лицо Линь Исина ладонями. Нет, вернее будет сказать — бережно подхватил. Линь Шэнь осторожно держал его лицо в руках.

— Брат... — прошептал он мягким, нежным голосом. — Брат... посмотри на меня, посмотри...

Пустые глаза Линь Исина наконец сфокусировались и остановились на лице Линь Шэня.

— Брат, я схожу за вещами, а потом вернусь и здесь все уберу... Сиди здесь, никуда не уходи... Слышишь?

Убедившись, что с Линь Исином все в порядке, Линь Шэнь осторожно поднялся, стараясь не испачкаться в крови. Он выбежал из комнаты, нашел в ванной чистящие средства и вернулся. Он отмыл окровавленный пол, в перчатках, подавляя тошноту, собрал все останки и выбросил в мусорное ведро. Распылив освежитель воздуха, Линь Шэнь вынес пакет с мусором за пределы виллы.

Когда он вернулся, Линь Исин все еще сидел в той же позе, прислонившись к стене с безразличным видом.

— Брат, пошли, нужно помыть руки и принять душ.

Линь Исин не шелохнулся, словно марионетка без души. Линь Шэнь подошел, взял его окровавленные руки и, слегка потянув, повел в отдельный санузел при спальне. Он включил кран и подставил руки Линь Исина под струю воды. Линь Шэнь был похож на взрослого, который помогает маленькому ребенку — движения его были мягкими, а выражение лица — серьезным.

Теплый желтый свет в ванной создавал уют, а две маленькие ладони, сцепленные вместе, казалось, никогда не разомкнутся.

После того как они вымыли руки, Линь Шэнь посмотрел на окровавленную белую рубашку брата:

— Снимай одежду, иди в душ.

Линь Исин разделся прямо на глазах у Линь Шэня. Тот нахмурился, глядя на его худое, костлявое тело:

— Ты слишком худой.

Линь Исин, глядя на его нахмуренные брови, вдруг вспомнил слова Чэнь Цинъюй, сказанные в самом начале: «Шэнь-Шэнь очень одинок, ему нужен старший брат, который будет сопровождать и защищать его». Если не стать сильнее, он не сможет защитить Линь Шэня.

Линь Шэнь тоже разделся и встал под душ. Теплая вода текла по его светлой, нежной коже. В густом облаке пара Линь Исин впервые осознал, что человеческое тело может быть таким красивым. В будущем он увидит немало знаменитых средневековых картин с обнаженной натурой, иногда даже с изображением детей, но ни один великий мастер, ни одно полотно, воспевающее красоту человеческого тела, не могли сравниться с тем, что он видел сейчас.

После душа уже была глубокая ночь. Два маленьких существа лежали в кровати, в комнате работал кондиционер, вокруг царил тишина. Линь Шэнь долго подбирал слова, чтобы нарушить неловкость.

— Брат, у меня двадцать тем по сочинению на лето. Я только что изо всех сил помогал тебе убираться... Я знаю, что ты чувствуешь себя виноватым и очень мне благодарен. Поэтому, в знак благодарности, напиши за меня сочинения, а?

— Хозяин, это и есть результат твоих долгих раздумий?

«Серьезно и бесстыдно».

Линь Исин не ответил, вместо этого он тихо спросил:

— Почему ты не сказал родителям?

Почему Линь Шэнь не боится его? Почему не сказал Линь Ваньнаню и Чэнь Цинъюй, что он на самом деле псих, чтобы его выгнали?

Линь Шэнь подвинулся ближе к Линь Исину. Он нахмурился, выглядя очень недовольным.

— Что значит «твоим родителям»? Твоя прописка у нас, ты мой брат, я твой младший брат, значит, мои мама и папа — твои мама и папа.

Линь Исин холодно усмехнулся — как же лицемерно это звучит.

— Хозяин, главный герой считает тебя лицемером.

«Не благодарит, так еще и обзывает?!»

Линь Шэнь сел в кровати, опираясь на изголовье:

— Если бы я сказал родителям, тебя бы точно выставили за дверь.

Помолчав, Линь Шэнь добавил:

— А если тебя выгонят, что мне делать с сочинениями?

«Ха, раз ты называешь меня лицемером, тогда я буду с тобой предельно прямолинеен».

Лицо Линь Исина застыло:

— Сочинения пиши сам.

— Хм, подумаешь, сам напишу!

Линь Шэнь отвернулся, повернувшись к Линь Исину спиной, и сердито замолчал. Сочинения для третьего класса он мог написать с закрытыми глазами!

Через две минуты Линь Шэнь снова повернулся. Он пододвинулся. Еще раз подвинулся. Обнял Линь Исина и слабо произнес:

— Брат... я когда убирался, поранил руку, писать совсем не могу.

Линь Исин внезапно схватил его за руку и внимательно осмотрел — она была чистой и гладкой, никакой раны не было.

— Брат... я хочу, чтобы ты мне помог. Ну помоги мне... помоги... брат... Брат... ты ведь самый лучший...

Шаги Линь Исина замерли. Линь Шэнь инстинктивно посмотрел на него и, заметив, что выражение лица брата не изменилось, с облегчением выдохнул. Группа шумных детей внезапно замолчала, уставившись на них.

Линь Шэнь подошел и холодно окинул их взглядом. Вышел толстый мальчишка лет десяти, изображающий из себя главаря:

— Пойдемте в передний зал, здесь полно всякого хлама, еще подцепим какую-нибудь заразу!

Эти дети могли смело болтать только за спиной, а при виде двух маленьких хозяев дома сразу сдувались. Как только толстяк заговорил, остальные тут же закивали, собираясь уносить ноги.

Линь Шэнь приподнял бровь, на его лице застыло спокойствие перед бурей. Голос его прозвучал холодно:

— Вы тут дерьмо едите, что у вас изо рта так воняет?

— Ты... ты как разговариваешь? У тебя есть воспитание? Линь Шэнь, ты что, правда принял этого сироту за брата? Подслушивать нас, да еще и обзываться — какая наглость...

Среди детей послышался шепот. Линь Исин оставался бесстрастным, а вот лицо Линь Шэня чернело на глазах. Толстяк, ободренный поддержкой, встал вперед и громко крикнул:

— Линь Шэнь, ты еще и злишься? Ты правда считаешь его братом? Ха-ха-ха... Считать мусор братом — ты и сам мусор!

Как только прозвучали эти слова, в глазах Линь Исина вспыхнула жажда крови. Он набросился на него, как дикий зверь, с такой скоростью, что все остолбенели.

Линь Шэнь видел, как Линь Исин повалил толстяка на землю, хотя тот был намного тяжелее. Линь Шэнь тут же бросился на помощь, чтобы оттащить брата. Линь Исин — псих, если его не остановить, может пролиться кровь.

Двое на земле сцепились в драке. Вес толстяка давал о себе знать, он быстро прижал Линь Исина к земле и принялся орать:

— Ты никому не нужный мусор! Мусор есть мусор, даже если тебя подобрали, ты все равно мусор!

«Мусор? Сам ты мусор!» — Линь Шэнь уже собирался оттащить Линь Исина, но вместо этого сам набросился на толстяка, повалил его и принялся остервенело колотить кулаками.

В разгар драки раздался глухой звук — на лбу толстяка выступила кровь, она потекла по лицу, и он обмяк, потеряв сознание. Линь Шэнь поднял голову и увидел в руке Линь Исина камень. Его глаза были красными, словно налитыми кровью. Линь Исин замахнулся, чтобы ударить второй раз, но Линь Шэнь вскочил, схватил его и изо всех сил вырвал камень из рук.

Дети, увидев драку, разбежались. Они позвали взрослых, и те увидели именно эту картину: толстяк лежит на земле с окровавленным лбом, а Линь Шэнь и Линь Исин стоят рядом, тяжело дыша. И в руках у Линь Шэня — камень.

Толстяк вел себя так нагло, потому что его семья была влиятельной, не уступающей семье Линь. Поэтому, не разбираясь в причинах, Линь Ваньнань должен был преподать им урок.

— Хлоп!

Звук был звонким, Линь Ваньнань ударил сильно. Линь Шэнь опустил голову, на его светлой щеке проступил красный след, который на глазах начал опухать. Он крепко сжал руку Линь Исина, так сильно, что ногти впились в ладонь.

Линь Исин должен терпеть, нельзя признаваться, иначе... Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй больше не оставят этого опасного ребенка, а семья толстяка обязательно отомстит.

Линь Исин повернул голову и посмотрел на Линь Шэня. Тот стоял с опущенной головой, с распухшей щекой, его длинные ресницы слегка дрожали, скрывая эмоции в глазах.

В глубине души Линь Исина что-то сжалось, возникло горькое чувство... но в то же время появилось нечто сладкое. Потому что Линь Шэнь защищал его. Это был единственный человек в мире, который защищал его.

Позже в жизни Линь Исина будет бесчисленное множество юношей и девушек, но никто из них больше не привлекал его внимания.

Толстяка отправили в больницу, Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй поехали с ним.

— Вы двое, в таком возрасте, а ничему хорошему не учитесь! Марш домой и сидите там, обдумывайте свое поведение!

Вернувшись домой, они легли в кровать. В комнате было темно, никто не произносил ни слова, тишина стояла такая, что было слышно дыхание друг друга.

Линь Исин внезапно пошевелился. Он обнял Линь Шэня сзади, положив руку на его щеку:

— Еще болит?

После долгого молчания Линь Шэнь повернулся, обхватил голову Линь Исина и, не мигая, уставился ему в глаза.

— Ты не сирота. Мой дом — твой дом. Никто не отказывался от тебя, мама и папа хотят, чтобы ты был с нами, и я хочу.

Взгляд Линь Исина дрогнул, он опустил глаза:

— Они были правы. Я сирота, брошенный родителями. Поэтому мне плевать на их слова.

Он полез в драку не из-за того, что толстяк оскорбил его. А из-за того, что тот оскорбил Линь Шэня — даже если это было всего одно слово.

Линь Шэнь закусил губу:

— Линь Исин, у нас одна фамилия. Кто оскорбляет тебя — оскорбляет меня. Тебе плевать, а мне нет.

Он притянул голову Линь Исина к себе и прошептал на ухо:

— Слушай сюда... Раз я подобрал тебя, значит, ты мой человек. Пока я рядом, никто не посмеет тебя обидеть. С этого дня, если кто-то посмеет сказать о тебе хоть слово или тронуть тебя — я с ним жизнь на кон поставлю.

Линь Шэнь убрал руку:

— Спи.

Линь Исин смотрел, как Линь Шэнь погружается в сон, затем наклонился и оставил легкий поцелуй на его губах:

— Шэнь-Шэнь... Шэнь-Шэнь...

Нежно и бесконечно трепетно.

Начало учебного года: Линь Шэнь перешел в четвертый класс, Линь Исин — в шестой. Каждый день Линь Шэнь спал на уроках. Как только проходили четыре урока, Линь Исин ждал его у дверей класса. Они надевали рюкзаки, шли к выходу из школы, забитому роскошными автомобилями, садились в Роллс-Ройс и ехали домой.

Линь Исин делал уроки за столом, а Линь Шэнь бездельничал на кровати. Он был таким праздным, не пора ли натворить дел?

— Хозяин, ты еще не вырос, советую подождать пару лет.

«Такой пошляк? У тебя в системе, небось, гигабайты ресурсов».

— Хозяин... если в будущем у тебя возникнет потребность, я могу устроить личный показ прямо в твоём мозгу.

— Отвали.

Линь Шэнь нахмурился, глядя на спину Линь Исина... Этот парень по-прежнему молчалив, как пень. Можно ли считать, что он его «растопил»?

— Нет.

«Растопить» означало, что твердость Линь Исина должна медленно таять в его тепле. Линь Исин нахмурился — когда же он наконец выполнит задание?

— Хозяин, просто продолжай дарить ему любовь каждый день, и однажды у тебя все получится.

«К черту твою психологическую поддержку, у меня нет столько времени на выполнение задания!»

Линь Шэнь закрыл глаза, пытаясь найти короткий путь. Думал, думал... и не заметил, как уснул.

Линь Исин повернулся и увидел, что Линь Шэнь спит. Наступила осень, повеяло прохладой. Он встал, подошел к кровати, укрыл Линь Шэня одеялом и оставил легкий поцелуй на его лбу.

Способ, который придумал Линь Шэнь, заключался в том, чтобы свести Линь Исина и Хэ Жаньжань. Милая, мягкая девочка — лучший способ растопить сердце подростка. Тем более что они и так были главными героями, их союз был предопределен судьбой. А самое главное — если они сойдутся пораньше, Линь Исин поймет, что такое сердечный трепет, и быстрее отгадает. Тогда и задание будет выполнено.

— Хозяин... мне кажется, твой метод не очень хорош. Ты же понимаешь, что отдаляешься от цели задания?!

— Какое твое дело, хорош он или нет? Умный такой — предложи свой!

— На самом деле тебе ничего не нужно делать, просто подожди, пока вы с главным героем вырастаете...

— Вырастим? Разве не нужно просто подружиться с ним и растопить его сердце? Зачем ждать взросления?

— Когда вырастаете, будет удобнее совершать определенные действия...

Линь Шэнь нахмурился: какие еще действия?

— Хозяин, это секрет.

Иначе, при нынешнем положении дел, Линь Шэнь, будучи «железобетонным» натуралом, наверняка скорее умрет, чем согласится.

— Пф, еще и секреты. — Линь Шэнь усмехнулся. Если бы они оба не были парнями, он бы мог что-то не то подумать.

Линь Шэнь начал примерять на себя роль свахи, изо всех сил пытаясь свести Линь Исина и Хэ

Жаньжань. За обеденным столом он сказал:

— Пап, мам, давайте пригласим Жаньжань тоже пообедать с нами?

Если Хэ Жаньжань будет обедать за их столом, главные герои смогут чаще видаться, сократится социальная дистанция, они станут ближе духовно.

— ...Хозяин, ты так предусмотрителен.

— Спасибо за похвалу. Только, пожалуйста, без сарказма.

— Почему бы тебе не посмотреть на лицо главного героя? Вот где настоящий «сарказм».

<http://bllate.org/book/21630/2231711>